

Л.В. ОБОРИН

ВЕДЬМА ИЗ КАРГОПОЛЯ-2

Детская мифология, основанная на реальных событиях

Летом 2004 г. фольклорная экспедиция РГГУ отправилась в Няндомский район Архангельской области — в с. Моша. В последнюю неделю экспедиции мы жили в сельской школе пос. Заозерный недалеко от самой Моши. Рядом со школой в арендованном здании проводили летние каникулы воспитанники детдома одного из «закрытых» городов Архангельской обл. — Каргополя-2.

Разговорившись с детьми, я вдруг понял, что они — просто кладёшь фольклора. Они совершенно естественно вплели в свою речь анекдоты, шутки, страшные истории, фразы на собственном тайном языке — поэтому грех было не взять диктофон и не записать все это.

Особенно много рассказал 15-летний Женя Заварин (Евгений Александрович Заварин, 1988 г.р. — ЗЕА). От него я записал несколько замечательных быличек о домовом, о летающей посуде и узорах, начерченных алюминиевой ложкой на столе. Я уже собирался уходить, но тут одна из детдомовских девочек (Екатерина Анатольевна Малыгина, 1990 г.р. — МЕА), слушавших Женю, попросила его рассказать о некоей ведьме. Стоявшие вокруг дети (Иван Николаевич Варюшин, 1988 г.р. — ИНВ; Валентина Николаевна Артемьева, 1991 или 1992 г.р. — АВН) оживились; по-видимому, о ведьме знали они все.

[МЕА:] Помнишь как, расскажи, как к нам приехала эта, ведьма. [Кто приходил?] Ведьма.

[ЗЕА:] Ну... бабуля у нас ф Каргополе-два. Ана фсе вре... Вот рас [нрзб.] матушка Юля, ана у нас ф церкви работает, ни работает — ана каг бы споведует, ф церкви ей... а, муш иё, батюшка Олек [Олег], он каг бы... как называеца... <...> Свещеник. Ну вот, и мы с сыном, с млатшим [сыном матушки Юлии], идём с Митей в магазин, а ана [старуха-ведьма] идёт с сумкой. Вот так идёт, вь... ва... вакрук калотца, крутица-крутица, ну это, как йиво, крутица, я придалжил: «Вам, это, как ево, ни помоч?» А[на] гьт [говорит]: «Ни надо, я, это, полничку танцюю». А патом ана пришла к нам на тириторию децково садика...

[МЕА:] Децково дома.

[ЗЕА:] Ну там, децкий садик был, у нас

када, ну, стали силица, у нас, батюшка Олек фсе освитил. У наз горка там железная была, он тоже освитил иё. Ана стала фставать на ниё, и это, с ужасом, корочи, м-м... атпрыгнула ана ат ниё. А потом ана к... в децки[й] дом к нам вопще ни разу ни заходила, у нас на фтором итаже тиливизар, видик стаял, ана говорит такая, ну там у наз батюшка Алек-та не свитил, там у нас крыло-то то есь открыто было, ана такая гаворит такая: «У вас там, эта, как ево, где шас видик стаит, тиливизар...» Мы так: «Как ана магла знать...» Ана гарит: «У вас там эта, как ево, э, нихороший дух живё!» Шо-то типа вот таково было. А потом, это, как ево, ночью, вызь... чё-то стали девочки рассказывать там, пра эту во, бапку, ну типа, у Наташи Сиротиной подушка запрыгала! [смех] [Как это — запрыгала?] Ну как ана лижит ищё, иё там колбасит зь... [смех] подушка прыгает...

[АВН:] Ана ищё, это, Тамара Кандратыва такая, эта... м-м, шла, карочи, зь дискатеки, с мальчиками, зь дивчонками, нъ карочи, з дискатеки идёт такая, и эта старуха такая к ней потхо[дит], вот, такая го[во]рит: «Девачка, эта, тебе ни нада эта, как...».

[МЕА:] Шампунь...

[АВН:] «...шампуня?» Воот... «Чёрново, ты эта, как, намоишся им, у тя будут хороши волось». Тамара, кароче, взяла такая, принесла такая, паказывает мне, я-то короче скъла, ана такая рассказыит што ей бапка-та эта дала, я такая гью: «Дура, выкинь!». Я её, я прям выхватила эту... а нет, ана сначала взяла на коньчик волос, и на... наде... нап... это, налила ч-чуть. У ниё вот этът коньчик волос корочи ищес!

[ЗЕА:] Вапще... э-э... м-м...

[МЕА:] Ни ра... ни расьтёт уже кароче. Во-от, и ана кароче такая... «Кандратыва, выкинь, быстра!» И ана... эта, я иё вылила кароче в б... эту, мы банку патом эту... выкинули этот, в мусар, а патом, не, сначала, э... с акна, а патом иво принесли и обратно в мусор выкинули.

[ЗЕА:] Мы тоже в тот рас это, с матушки Юлиным сынам, з Германом, мы... Ну ана, у ней был, у детей велики, а я... она мне дала, ну, как ево, дама, это, дамский велик ё такой, ну как, во такой, свой велик. [Бабка?] Нет, эта, матушка Юлия. Мы катимся, и эту же бапку видели, у, у гаражей. Там два топаля бальшие стаяли, ана вокрук них, как ево, восьмёрочкой ходила [пальцем чертит в воздухе цифру 8], мы астанавились, это, «Во, в... это ёд бабушка типа, каторая, с Митей мы шли, ана по-

лечку танцевала». А с... Герман гьврит: «Чё ана такая прикольная што ли или вот ана, это, балеет?» О там, «ни знаю»... рас... ана гаварит: «Этим... эти как йиво, дубам, э, типа восимь лет», это. «А чё, это разве так интиресно?» Нам-та разви эта так интирес... А[на] гьрит: «Ани скоро вот-сюда вопще упадут!» И када вот, тут вот, у нас, это, это, фсе, сънек растаял, там, у нас како, какво у нас июня снек-та выпал? [обращается к ИНВ] Т ищё вирталёт-та прилитал...

[ИНВ:] Двац фторово. Двац фторово.

[ЗЕА:] Два... двац фторово.

[ИНВ:] Мая.

[ЗЕА:] Из... к... Иван день был, да?

[ИНВ:] Мая.

[ЗЕА:] Да. Так вот, был этот день, и вот, и ти тополи у гаража упали. Во. [Она это предсказала?] Ну ана вапще какая-та странная.

[АВН:] Ана хадила, кьрочи, это у нас уже около децково дома, карочи.

[ИНВ:] Ты расскажи как ана у нас хадила и чем-та там паливала.

[АВН:] А, кароче. У нас, кароче, эта... мы жи с матушкой Лю [вероятно, оговорка] так дружили...

[ЗЕА:] Да, ана, свещеник, ф церкафь вадила.

[АВН:] Вот, кароче.

[ЗЕА:] Штоб мы крисьтились.

[АВН:] Вот. Ана ка... ана кароче пришла кароче к матушки Юли дамой, вот, и такая...

[ЗЕА:] Вады папрасила!

[АВН:] Да, воды попросила. Вот, воды такая попросила у ниё, эта такая, вот, э, эта такая матушка Юля аткрыла. «Женьщина, вы ни дадите мне водички выпить». Матушка Юля такая, кароче, эта, пашла такая, гьрт. А нет ана сначала скажи... сказала што э...

[ЗЕА:] «Праходити!»

[АВН:] Пе... «прахадити», ана ни стала прахадить, патаму шта ана ув... увидила иконку.

[ЗЕА:] У них нет, нет, ни икону, у них, корочи, у фсех, у их так, свечка... у иконы копоть-та идёт, ани кристы такие на двирях стафьт. Ана увидила и ни стала заходить. А потом эта, как йиё, воды выпила ей... ть, чё там дальше?

[АВН:] Нет, ана карочи, сначала, эта... стаит такая, ни стала захадить, и Митя в... эат... з Германам... это выходят, кароче. Вот, выхо[д]ят такие, и ста... ана карочь, стала у них фсе выпрашивать, скоко им лет, и главно, у Митя стала фсе такое. Вот,

Потом, токо матушка Юля такая, выхо[д]-ит, а ийё уже нету. Смотрит в акно, а ана такая в этом, окало их, этих, хо[д]ит.

[ЗЕА:] Окан.

[АВН:] Эта, окан, нет, билья... у там у них было навешина...

[ЗЕА:] Да, на вирёфки, м-м... бильё.

[АВН:] Бильё на вирёфк... на вирёфки.

[ЗЕА:] Шоб бильё сушить.

[АВН:] Шу... сушилось. Вот, ана взяла такая, карочи, и стала прыс... какую-то ну ту... которую Тамару дала, воду-ту такую же. Вот, чёрной водой стала прыскагать.

[ИНВ:] Бильё фсё грязное стало...

[АВН:] Эта... а, бильё такое фсё грязное стала, патом... <...> Эта... карочь, чё-та... чё-то там случилась, матушка Люба, карочи, такая, чё-та... эта испугалась, карочь, и пабижала в этот, батюшка приехал, ана ему, карочи, фсё рассказала, ани, карочи, стали эту бильё ф свитой воде, это, апа-ласкивать, ани-та знали, што это ведьма. Вот, патом ити, карочи, мы с Катий, ну-у, у дома сидим... и Митя вот, у которово ана спрашивала-та фсё распрашивала. Вот ни знаю ана на ниво порчу наве... порчу навела. Вот, а... [Порчу навела?] Да, наверно. Это, э, Митя такой си[д]ит, матушка Юля нам дала, эти...

[ЗЕА:] Арешки?

[АВН:] Арешки, с эти, э, жариные такие, эта, этак Митя, вот, он сидит такой, эта, мы с Катей взяли по ч-чуть, он каг взял, этот такое чё-та... э...

[МЕА:] Тарелку чё-та...

[АВН:] Та... тарелку с этими, этими...

[ЗЕА:] Арешками.

[АВН:] Арешками, взял, и прям, этот... от пола это фсё разбил.

[МЕА:] Фсе арешки рассыпались.

[ЗЕА:] Ну он ходил, чё-то, он слика [слегка] ну, как ево...

[МЕА:] Он бегал по комнате бисился. [Она могла так порчу навести на человека?]

[ЗЕА:] Н-да <...>

[МЕА:] Женья! Расскажи как ана над дивьями-та махала этими...

[АВН:] А, она ищё, над дивьями махала што это...

[ЗЕА:] Так вод [вот] я рассказал. Так вод я рассказал уже!

[АВН:] Как ана патходит такая окала децково дома-та была.

[МЕА:] Васьмёркай, окала сосин, окь...

[АВН:] Ана патхо[д]ит такая...

[МЕА:] Окала сосен такая хо[д]ит...

[ЗЕА:] Я да знаю, чё ани там... ни знаком...

[МЕА:] От, прихо[д]ит такая эта, и, это, васьмёркой-то около этих хо[д]ит такая...

[ЗЕА:] Ана таг же и у тех дивьяф.

[МЕА:] У фсех, карочи, дивьяф хадила васьмёркай и гьрит, и, эти, и паёт пес-

ню: «Умрите, май дивья», типа, «вам ищё нидолго асталося жить».

[АВН:] Черес пссят [50] лет.

[ЗЕА:] Черес пе... ана...

[МЕА:] А патом мы, а патом мы к ней падашли ть, и спрашиваем, типа: «Зачем вы так ходите вакрук дивьяф?», а ана такая гарит: «Штоб ани дольши жили». [Чтоб дольше жили?] Угу <...>

[ИНВ:] [Откуда она взялась] в гь... в гаратке, никто ни знал? Аткуда ана, сказала, што?

[АВН:] Ана сказала што гль... ана, к типа, к сыну приехала.

[ЗЕА:] У ниё там вообще никто ни... был.

[МЕА:] А кагда мы гуляли ищё, я... с кем-та ни помню <...> В опщем, эта... вот эта... вот эта вот старуха, идёт такая, и-и... я с какой-та, э, дифчонкой тожи з децково дома шла, и пошли гулять по горотку. А мы такие идём, и-и ветир сильный очинь налител. Мы такие сзади у ниё идь... идём, карочи, и у ниё такой платок был адет, зилёный, с цвоточками, так вот у ниё, карочи, этот платок такой, у ниё сидые волосы, и, карочь, платок вот так вот, э, задрался так от ветра. И в о[б]щем у ниё там эта, как иё...

[АВН:] Лысина какая-та красная!

[МЕА:] Плёшка [плешь] такая, лысая и красная такая фся.

[АВН:] А-а тут такие волосы!

[МЕА:] Мы с... мы испугались, пабижали обратно в децкий дом. Я ни помню, с кем было.

Отметим, что приведенный текст — неподготовленный, спонтанный, однако все информанты знают, о чем идет речь. Перед нами своеобразный комплекс быличек, объединенных одним главным и несколькими второстепенными персонажами. Но этот комплекс нельзя назвать устоявшимся. Он сформировался буквально на глазах, и его части поддаются перестановке. Дети вспоминают события, якобы происходившие в их городке, не по хронологии и не группируют их. Поэтому для удобства следует систематизировать те данные, которые у нас есть.

Система персонажей в рассказе детей очень четко структурирована. Главный персонаж — ведьма, природа которой детям совершенно непонятна. Тем не менее ее принадлежность к системе демонологических персонажей заявляется недвусмысленно: с самого начала она определена как ведьма. Ведьма относится к типу мифологических персонажей, являющихся живыми людьми, но сознательно вступившими в связь с нечистой силой¹. В тексте нечистая сила пря-

мо не названа, но то, что старуха из Каргополя-2 с ней связана, несомненно. На это указывают отношения старухи со всем, что можно назвать «священным», с религиозными артефактами и вообще с предметами, которые религиозно маркированы: иконы, лампы, освященная детская горка. Она «с ужасом отпрыгивает» от этой горки. Она уходит из зоны, где находятся иконы и кресты. Она чувствует в детском доме (там, где «не святил» священник!) «нехороший дух», вероятно, как родственник себе. Но тут возникает вопрос: откуда у детей, которые связаны тесным сообществом детства (то есть не имеют старших родственников, которые могли бы передать им устную традицию и понятие о демонологических персонажах), такие точные сведения о ведьме? Нужно заметить, что на Русском Севере в ходе фольклорных экспедиций систематизированные сведения о ведьмах фиксируются редко, гораздо чаще речь идет о колдунах, колдуньях. Героиня текста совмещает черты как славянской, так и западноевропейской ведьмы. В тексте встречаются обороты, не принадлежащие к детской разговорной речи: «С ужасом отпрыгнула», «Как она могла знать?» Это свидетельствует о том, что сведения, позволившие определить старуху как ведьму, детдомовцы могли получить от взрослых: воспитателей и, что вероятнее, членов семьи священника.

Ведьма появляется в идеальном месте для вредительства: маленьком, до недавнего времени отгороженном от внешнего мира городке, где все друг друга знают — детдомовские воспитанники говорили, что город состоит всего из нескольких десятков домов. Это место идеально и для активного создания «страшилок», потому что их сюжетная канва ложится в «круг известных ребенку понятий»²: ведьма успеваеет напакоstitь или хотя бы обнаружить свое присутствие во всех местах, которые являются для детдомовцев значимыми: в детском саду, детском доме, квартире матушки Юлии, около дискотеки (заметим, что в своем исследовании детской мифологии М.П. Чередникова вносит дискотеку в список локусов, опасных появлением там демонологических персонажей³). Ведьма вредит и самому городу: «портит» колодец, деревья, ходя вокруг них «восьмеркой». Она также имеет связь с бытовыми предметами, упоминание о ней вызывает их отклик (запрыгавшая подушка)⁴.

Дети почти не описывают ведьму, что согласуется с наблюдением Ф.С. Капицы и Т.М. Колядич об отсутствии развернутой характеристики персонажей в страшилках⁵. В тексте указываются лишь три элемента облика персонажа: платок, седина и лысина. Вполне мирный зеленый в цветочек платок скрывает нечто, с точки зрения детей противоестественное. Заметим, что в северорусской традиции ведьма обыкновенно представляется косматой седой старухой; платок и в Полесье, и на Русском Севере — один из ведьмовских атрибутов, но ни в одном источнике я не нашел среди характерных отличительных черт ведьмы лысины. Правда, в западноевропейских источниках упоминается «лысая ведьма».

Тем не менее красная плешь у пожилой женщины уже сама по себе довольно устрашающая. Если при этом вспомнить о степени значения и символике цвета в детских «страшилках», то красная лысина вполне вписывается в образ ведьмы. Красный, черный и белый цвета, по свидетельству Капицы и Колядич, составляют в «страшилках» тройку самых распространенных (кстати, зеленый — цвет платка — на пятом месте)⁶.

Следующие в системе персонажей — антагонисты ведьмы. Это матушка Юлиа и отец Олег. Матушку Юлию дети явно противопоставляют ведьме. Она добрая, работает в церкви и поэтому она как бы находится под защитой божественных сил: вспомнить хотя бы момент, когда ведьма приходит в дом матушки Юлии, но уходит, испугавшись лампадки и крестов. Не имея возможности причинить вред матушке Юлии, ведьма переключается на ее детей: разговаривая с ними, она хочет навести на них порчу.

Матушка Юлиа защищена от ведьмы сама и защищает других. Она и батюшка Олег борются с кознями ведьмы, используя святую воду — здесь присутствует мотив свойственной нечистой силе боязни сакральных (христианских) атрибутов и символов. К этому средству приходится прибегнуть, когда ведьма совершает самое серьезное из своих злодеяний — кропит черной водой простыни.

Наконец, третий тип персонажей — жители городка. По большей части в тексте это дети, которые так или иначе вступали в контакт с ведьмой — сами детдомовцы и их друзья, сыновья матушки Юлии. Они видят в ведьме из Каргополя-2 воплощение зла. То, что мы расценили бы как мелкое пакостничество, в их глазах превращается в реальную угрозу

безопасности жизни городка, и потому рассказ их так эмоционален.

Теперь — о системе событий и признаков в тексте. Их можно разделить на достоверные и недостоверные. К недостоверным событиям и признакам я предлагаю причислять: 1) явную выдумку, рассчитанную на то, чтобы произвести впечатление на собирателя; 2) выдумку, имеющую под собой мифологическую или бытовую основу; 3) события и признаки, сознательно или несознательно истолкованные детьми в контексте рассказа о ведьме — так сказать, «подогнанные» под мифологию.

К тому, что точно имело место, я могу отнести, кроме самого факта присутствия в городке старухи, большинство ее действий вне их последствий. Характер изложения показывает, что старуха действительно приходила в определенные места. Вполне могла она и говорить с детьми, и ходить восьмерками вокруг деревьев. Хождение «восьмеркой» упоминается детдомовцами трижды: один раз ведьма ходит так вокруг колодца и два раза — вокруг деревьев, причем во второй раз сопровождает это маханием руками (об этом начали говорить, но не договорили МЕА и АВН). Если учесть, что деревьям ведьма предсказывала смерть, можно предположить, что и колодцу она едва ли сулила добро. Но здесь мы имеем дело с двойной адресацией этого фрагмента в нашей системе. Хождение было, но толкуется оно детьми как направленное на деструкцию, что не обязательно.

Некоторые детали, как мне показалось, были выдуманы детдомовцами буквально на ходу. К явной выдумке я бы отнес, например, сообщение АВН об исчезновении кончика волос у ее подруги после того, как та «чуть налила» на этот кончик подаренный старухой-ведьмой черный шампунь. Это больше напоминает фантастический фильм — частый источник детского мифотворчества. Даже если заменить в рассказе *исчезновение* волос на выпадение, все равно в это мало верится. Тем более что до добавления этой детали рассказ выглядел вполне связно и правдоподобно. Но вот возникает речевой сбив: слова «а, нет» — как будто информант что-то забыл — могут вводить только что придуманный эпизод, который тут же подтверждается детьми по принципу совместного участия в игре.

Не очень верится и в историю с «прысканием» белья. Во-первых, сами

дети этого не наблюдали, свидетель была только матушка Юлиа. Во-вторых, этот эпизод имеет под собой мифологическую почву. Вода, которой ведьма «прыскала» белье на веревках — черная. Этот цвет вносит в быличку элемент «страшилки». Шампунь, который старуха дает девочке, также черного цвета (что весьма нехарактерно для шампуня). Вода отождествляется с уже известным шампунем. Белье от этого становится грязным — вероятно, покрывается черными пятнами. Здесь сразу приходит на ум «черная простыня» из «страшилок».

Следующее событие в тексте — «порча», наведенная на младшего сына матушки Юлии — Митю. Известно, что после наведения порчи человек может лишиться рассудка. Нечто такое, в более мягкой форме, происходит с Митей: он начинает «беситься». Слово «беситься» возвращает нас к связи ведьмы из Каргополя-2 с нечистой силой: она способна распознавать нехороший, бесовской дух, она способна и насыпать бесов на людей. Но почему дети называют то, что произошло с Митей, порчей? Мне кажется, что этот момент относится к тем, которые дети истолковывают в пользу утверждения, что каргопольская старуха — ведьма. Она затронула Митину семью, и он, как самый младший ее член, легче всех поддается влиянию ведьмы.

Один эпизод выбивается из ряда прочих: это предсказание гибели деревьев. Конечно, вряд ли возраст тополей (или дубов?) составлял всего 8 лет: ЗЕА сказал, что тополя были «большие». Тем не менее уверенность, с которой старуха называет возраст деревьев, и уверенность в том, что они упадут, должна была произвести впечатление на детей — это чувство описано в тексте ранее, когда старуха упоминает о телевизоре и видеоманитофоне, которых не видела: «как она могла знать?».

Кстати, возвращаясь к этому моменту, опять-таки примем к сведению книжный характер оборота (для разговорной речи характерно было бы «откуда ей знать?», «как она узнала?») и совсем уже странные слова ведьмы: «У вас там, эта, как ево, где щас видик стайт, тиливизар...» — ни жаргонное слово «видик», ни даже «видеоманитофон», скорее всего, не могло быть употреблено старухой, и это вновь заставляет сомневаться, правда перед нами или выдумка. Но здесь есть и еще одна возможность. Слово «телевизор» старуха знала наверняка, а «видик» здесь является очередным домыс-

иванием детей, которые наделяют старуху всеведением, с одной стороны, для большей достоверности, с другой — чтобы произвести более сильное впечатление на собирателя.

Наконец, показательно замечание о происхождении ведьмы:

«[ИНВ:] [Откуда она взялась] в гь... в гаратке, никто ни знал? Аткуда ана, сказала, што?»

[АВН:] Ана сказала што гль... ана, к, типа, к сыну приехала.

[ЗЕА:] У ниё там вообще никто ни... был».

На неофициальном сайте Каргополя-2 помещена информация, что до «открытия» городка в 1995 г. частные лица, даже родители военнослужащих, туда не допускались⁷. После 1995 г. в Каргополе-2, административно присоединенный к Няндоме как микрорайон, действительно стали приезжать родственники жителей. Вполне возможно, что старуха и впрямь приехала в гости к сыну. Но, как утверждают дети, у нее в городке никого не было. Может быть, детям нужно было каким-то образом показать максимальную чуждость злой ведьмы тихому маленькому городку. Ведьма явилась просто ниоткуда. И дети описывают ее как зло, материализовавшееся в Каргополе-2. Известно, что и в «страшилках» и в быличках спонтанное появления демонологического персонажа подчеркивается постоянно. В данном случае на это две причины: с одной стороны, это указывает, что разуму человека воля потусторонних сил неподвластна. С другой — такое появление ведьмы удачно проецируется на любовь детей ко всякой неожиданности. «Вдруг откуда ни возьмись...», «Тут — глядь!..» — частый сказочный прием.

Таким образом, наш текст — интересный сплав жанров былички и «страшилки». Чтобы понять, чего в нем больше, можно провести разграничение характерных жанровых элементов:

1. Быличка

1.1. Признаки, линии поведения и атрибуты ведьмы/колдуны:

- а) старость;
- б) знания;
- в) вредоносность;
- г) ясновидение;
- д) боязнь священного;
- е) внешний облик: седина, платок, лысина.

1.2. Поведение окружающих:

- а) непонимание действий ведьмы;
- б) практическая беспомощность.

2. «Страшилка»

2.1. Предметы:

- а) постельные принадлежности: простыня, подушка;
- б) элементы одежды: платок.

2.2. Цвета:

- а) черный (шампунь, вода);
- б) красный (лысина);
- в) зеленый (платок).

2.3. Места, знакомые детям, находящимся в «замкнутом детском сообществе»⁸: дискотека, территория детдома, квартира, лестничная клетка, улица.

2.4. Слова: «Умрите, мои деревья!»

2.5. Мотивы:

- а) разговоры представителя потустороннего мира с детьми;
- б) вредоносный подарок («тетя дала», «бабушка дала»);
- в) появление пятен.

Дети при создании такого рода комплексов текстов из уже имеющихся и «обкатанных» по отдельности сюжетов пользуются испытанным соединительным приемом, который можно охарактеризовать как кумуляцию. Ее осуществление обеспечивают такие обороты, как «а потом...», «а еще...», «мы тоже в тот раз...» и т.д. С их помощью можно, оставая слушателя заинтересованным, пополнять свод информации все новыми подробностями. Это же делает текст пластичным, позволяет его частям располагаться свободно. Об этом я могу судить по собственному детскому опыту: насколько я помню, именно такими риторическими приемами пользуются в детском саду, пионерском лагере и других местах, где в течение сравнительно длительного времени формируется устная традиция рассказа, в том числе и «страшилки».

Примечания

¹ *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 230.

² *Капица Ф.С., Колядич Т.М.* Русский детский фольклор: Учебное пособие. М., 2002. С. 198.

³ *Чередникова М.П.* Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск, 1995. С. 144.

⁴ Кстати, в этой связи можно вспомнить о том, что подушка, наряду с простыней, — один из самых распространенных в детских «страшилках» предметов-убийц.

⁵ *Капица Ф.С., Колядич Т.М.* Указ. соч. С. 196.

⁶ Там же. С. 200.

⁷ <http://kargopol-2.narod.ru>.

⁸ См.: *Чередникова М.П.* Указ. соч. С. 143.

МАТЕРИАЛЫ ПО ДЕМОНОЛОГИИ ИЗ СЕЛА ЛИНОВО

Приводимые в данной статье диалектные тексты записаны участниками экспедиции под руководством С.М. Толстой и С.В. Кодзасова, организованной Филологическим факультетом МГУ в июле 2002 г. в с. Линово Путивльского р-на Сумской обл. Ввиду того что территориально Линово примыкает к области украинского и белорусского Полесья, при сборе материала мы руководствовались программой-вопросником, разработанной Институтом славяноведения и балканистики РАН с целью создания «Полесского этнолингвистического атласа» (см.: Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 21—46).

Еще до отъезда в Линово мы узнали, что едем к *горюнам*, и так как большинство участников ничего не слышали о них прежде, то все были заинтригованы. Почему их называют и они называют себя *горюнами*? Чем они отличаются от жителей соседних сел и отличаются ли вообще? Откуда пошло название их села — Линово?

Ответы на некоторые вопросы пришли быстро. *Горюнами* жители Линово называют себя потому, что «живут в горах», или же оттого, что жизнь у них пошла «горькая». Многие рассказывали о легендарном разбойнике, от которого ведут род линовцы: «Эта казали старье-старые люди: какоуася бандита выселил сюда у безлюдье у такое. И он тада украу женщину себе и эта... [от этого «бандита» пошли все жители]». По имени этого разбойника якобы и назвали село. Но существует и другое объяснение — выпрыгнувшая из воды рыба линь: «Ну ста-яла хата, а вада валаваа шла туды дальше и рыба, лин [выскочила из воды]. И у печку, вадоу занесло яуб ф печку. И мол назвали тада село Линоу».

Понятно, что мы имеем здесь дело с народной этимологией, что с научной точки зрения этноним *горюны* и топоним *Линово* имеют иное происхождение, но для нас важно, что жива способность к созданию подобных «народных» объяснений.

В Линово мы собирали материал по всем разделам полесской программы, т.е. по семейным, календарным, хозяйствен-